

дующей главъ увидимъ небольшое обстоятельство, сильно поколебавшее философію учителя и надвинувшее облако недоразумѣнія на умъ его, досель неуклопно шествовавшій спезею своихъ великихъ наставниковъ и бывшій ровнымъ пульсомъ въ своей бубликообразной сферѣ.

II. Глечикъ.

КАВКАЗЪ.

Кавказъ подо мною. Одишь въ вышнихъ
Спою надъ снегами у края спремнныя:
Орель, съ отдаленной поднявшись вершины,
Паритъ неподвижно со мной паравитъ.
Ошселя я вижу попоковъ рожденье
И первое грозныхъ обваловъ движенье.

Здѣсь тучи смиренно вдушь подо мной;
Сквозь нихъ низвергался, шумящъ водопада,
Подъ ними — ушесовъ нагія громады;
Тамъ ниже, мохъ шощій, кушарникъ сухой,
А тамъ уже рощи, зеленыя стѣны,
Гдѣ шищи щебечушь, гдѣ скачушь олеши.

А тамъ ужъ и люди гнѣздятся въ горахъ
И ползаютъ овцы по значнымъ спремннамъ,
И пасырь изходитъ къ веселымъ долинамъ,
Гдѣ мчища Арагва въ шѣвнскихъ берегахъ,
И пщій наѣздинокъ шанша въ ущелья,
Гдѣ Терекъ играешь въ свирѣномъ веселья.

Играешь и воешь, какъ звѣрь молодой,
Завидѣвшій пицу изъ клѣпки желѣзной;
И бьешься о берегъ въ враждѣ бесполезной
И лжешь ушесы голодной волной...
Вошще! вѣшь ни пици ему, ни ошрады:
Твсняешь его грозно иѣмыя громады.

А. Пушкинъ.

НѢСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ

О ПРЕПОДАВАНІИ ДѢТЯМЪ ГЕОГРАФІИ.

Велика и поразительна область Географіи: край, гдѣ кипитъ Югъ и каждое швореніе бьется двойною жизнью, и край, гдѣ въ искаженныхъ чертахъ природы прочищывается ужасъ и земля превращается въ оледѣнный прупъ; исполины-горы, парящія въ небо, выброшенный небрежною кистью очаровательный, полный разнообразія видъ, и разкаленные пустыни и степи, опорванный кусокъ земли посреди безграничнаго

моря; люди и искусство, и предѣлъ всего живущаго! — Гдѣ пайдутся предметы, слымясь говорящія юному воображенію! Какая другая наука можетъ быть прекраснѣе для дѣшей, можетъ быспрѣе возвысить поэзію младенческой души ихъ! И не больно ли, если показывающъ имъ вмѣсто всего этого, какой-то безжизненный, сухой скелетъ, холодно говоря: «Воптъ земля, на кошорой живемъ мы, воптъ шощъ прекрасный міръ, подаренный намъ Непоспнжимымъ его Зодчимъ!» — Эшого мало: его совершенно скрываютъ опъ шихъ и даютъ имъ вмѣсто шого грызнь полишическое шѣло, превышающее міръ ихъ пошпій и несвязное даже для ума, обладающаго высшими идеями. — Неволю при этомъ приходитъ на мысль: неужели великій Гумбольдтъ и шѣ опважные изслѣдователи, принесшіе шакъ много свѣдѣній въ область науки, исполковавшіе дивныя іероглифы, конми покрышь міръ нашъ, — должны бышь доступны немногому числу Ученыхъ? а возрастъ, болѣе другихъ пуждающійся въ ясности и опредѣлительности, долженъ видѣши передъ собою одии непоняшныя изображенія?

Дѣтскій возрастъ есть еще одна жажда, одно безощечное шремленіе къ познанию. Опъ всего шребуешь, все хочешь узнать. Но удовольшворятъ эшому любопытству пужно съ большого ошпорожностью; подавать по напередъ, чшо ближе къ нему, безъ чего нельзя проразумѣшь другаго, вѣсти его на лѣшпницу самого съ первой шупени, а не переносить черезъ иѣсколько шупеней разомъ. И пошому Физическая Географія, какъ ближайшая, должна болѣе занять его; Полишическая же войши шолько общимъ очеркомъ своимъ.

Во многихъ заведеніяхъ нашихъ, по невозможности воспитанниковъ узнать въ одинъ годъ всей Географіи, читаютъ се въ двухъ и даже въ шрехъ классахъ. Эшо хорошо, и Географія спѣишь, чшобъ ее проходили не въ одномъ классѣ; но преподаватели впадаютъ въ большую ошибку: размежевываютъ земной шаръ на двѣ или, смотря по классамъ, на три части и самому начальному классу достается Европа, разсматриваемая обыкновенно въ полишическомъ опношеніи съ подробнѣйшими подробностями, тогда какъ высшіе классы блуждаютъ по степямъ и пескамъ Африканскимъ и бесѣдуютъ съ дикарями. Не говоря уже о безрасудности и страшной формѣ шакого преподаванія, пужно имѣшь необыкновенную намяшь, чшобы удержашъ въ пей всю эшу неспройную массу. Если же и допуститъ шаккой феноменъ въ природѣ, то въ головѣ эшого феномена никогда не удержитшя одно прекрасное